

Как мы все-таки странно устроены: мало нам плохо, много – еще хуже. Мир всё не слушает оптинского старца Амвросия: «Матрена, держись среднего тона. Возьмешь высоко – будет нелегко, возьмешь низко – будет склизко». Не держится Матрена среднего тона и всё!

Зайдите сейчас в любую церковную лавку – совершенный супермаркет! Глаза разбегаются. Одни книги поглядите. Нет неотвеченных вопросов – от рождения до кончины осмотрено всё. Все проблемы преодолены, чудеса явлены, перспективы очерчены, дороги в Царствие Небесное выглажены – только иди!

А перейдите улицу в обычный книжный магазин, и тут на вас бросится жаркий мир искушений и художественной тьмы, высокой мысли и глубинного знания, тонкой метафизики и изощренного сомнения. И добро бы в церковной лавке звучало только «Осанна Сыну Давидову!», а в книжном магазине: «Распни Его!» Нет, мир исхитрился кричать это одновременно, и часто одни книги стоят на прилавках там и там. И церковь уже не всегда место встречи с Богом, и ты простоишь с горячей ищущей душой и не услышишь ответа. Книги и загородят. И батюшка, цитирующий их. Вместе и не пустят к божественной полноте.

Как часто у протопресвитера Александра Шмемана в «дневниках» излетает страшное, что «Хри-

ста убила и убивает религия», которая усиливает в нас гордыню, самодовольство, фарисейство. Убивает нас её налаженный институт, удобная механика постов, треб, «молитовок и панихидок», которая освобождает душу от встречи с Богом. Достоевский говорил – растит «духовное пузо».

А тут я открываю задолго до «Дневников» попавшуюся мне книгу прекрасного покойного философа В. Библихина «Другое начало» и с горечью читаю, что Бог уже не выходит к людям. Потому что этих людей, как детей Божьих, уже и нет, а все «общественные единицы», дети коллективного сознательного, сложенного если не идеологией, то неотличимой от нее по средствам церковью, что дает философу повод сказать, что «люди снова дети, но уже дети не Бога, а Церкви». Они предпочли укрыться от вопросов и беззащитного предстояния перед Богом в готовых ответах, в «строю», в пугающем Михаила Булгакова «пении хором», в церковной толпе. И их не осудишь, потому что стоять перед Богом в последней открытости – дело мучительное. Хорошо, если Бог открывает-ся однажды, как Якову Бёме или Паскалю, Юлиании из Норича или Иоанну Креста, Серафиму Саровскому или Сергию Радонежскому, в полноте и огненной ясности, и сердце горит потом ровным светом непрерывного воскресения. Но в большинстве-то, в обычном человеческом опыте Истина,

по слову петербургского поэта и культуролога А. Машевского, носит «проблесковый», «мерцательный» характер, и сердце не держит ее, поддаваясь испытательным соблазнам ума, который в нас бодрствует настойчивее, чем сердце.

Понятно, что душе хочется не «проблеска и мерцания», а не противоречащего уму света. И было бы странно, если бы церковь в тревоге за человека не думала об этом. И естественно, что рядом с всезнающей благочестивой литературой, уверенной, что всё решается смирением и послушанием, «записочкой и поклончиком», является тонкое умное богословие епископа Иллариона Алфеева, пронизанное высокой книжностью, блестящей начитанностью, радостным цитированием заново переведенных автором текстов великих учителей Церкви. Или ироничное, чуть нарочито «уличное» в языке, подчеркнуто демократическое богословие дьякона Андрея Кураева, который равно осведомлен и в «тяжелом роке», и в легкой кавалерии Интернета. А твой измученный, утомленный саморефлексией ум, вышколенный насквозь атеистическим XX веком, который при сонме святых и новомучеников все-таки останется в истории пиком атеизма, даже какого-то злого безбожия не для одних нас, но, кажется, и для мира, не даст тебе принять ни простоты, ни тонкости. И ты останешься на сомневающейся стороне тех, кто и за Литургией, как отец Александр Шмеман, не закроет глаза на немоту церкви перед вопросами соловьевского Антихриста или Достоевского Инквизитора. И тех, кто и в стихаре на амвоне, как С. Аверинцев,

будет искать в Православии место Платону и Плотину, Данте и Вергилию, Симоне Вайль и Мартину Буберу. И тех, кто с философской кафедры, как В. Бибахин, будет всматриваться в византийскую симфонию государства и церкви и пытаться понять, где там возможный идеал, а где просто договор между внешне принявшей веру империей и освободившейся от земных забот для «чистого Неба» церкви при совершенном равнодушии друг к другу.

И куда денешь пограничные, на пороге церкви являющиеся и множасьщиеся книги литераторов, которые за художественной формой прячут живое смятение (возьмите хоть Л. Улицкую с ее «Даниэлем Штайном», М. Кучерскую с «Богом дождя» или тревожную поэзию церковного притвора О. Седаковой, О. Николаевой или Г. Русакова)? Они сами-то рядом друг с другом, может, и не станут, уверенные, что делают разное дело, да раненое сердце тонкостей не видит.

Мы слишком долго были сиротами, безотцовщиной, когда Бог писался с подчеркнуто маленькой буквы, которая сегодня в текстах той поры кажется прямо нарочитой. Отцы земные заслонили для нас Отца Небесного так прочно, что мы за собой никакой вины не чувствовали и возвращаемся сейчас к этому Небесному Отцу не как блудные дети со слезами покаяния, а как возвращаются из детства – с вызовом и требовательностью, ожидая любви и потакания, а не спроса и ответственности. Впрочем, разве мы одни? И сам-то мир, шедший как будто более традиционной дорогой, тоже давно позабыл свое детство, где вера чиста и априорна. И теперь, судя по интеллектуальному тонкому

богословию, переодетому в притчи и сказки Толкиена и Льюиса и в детективные романы Честертона и У. Эко (даже, если убрать умные провокации Дэна Брауна и Переса Реверте, или ложно глубокие притчи Коэльо, или мистификации Анхеля де Куатье), этот традиционный мир тоже подвергает веру испытаниям ума.

Каждый век диктует свои дороги домой, где Бог всё ждёт нас. Сегодня эти дороги часто окольны и полны опасностей, но их не обойдешь. Входить в цер-

ковь через университетскую аудиторию стократ труднее, чем через детское причастие. Но зато этот путь тверже, и человек, вошедший этой испытательной дверью, потом оказывается вернее навсегда обретенному Отцу.

Иногда кажется, что и кризисы посылаются нам, чтобы мы скорее осознали цивилизационные тупики и выбрали пути культуры и веры, которые одни в тысячелетиях истории не изменяют нам, как не изменяет Бог в своей неизменной исцеляющей полноте.

